

В лесу было полно кустарника и бурьяна, некоторые заросли доходили почти до пояса. Сюн Цзиньчжоу шёл впереди Нин Гуйчжу, размахивая рукой и срезая мешающие травы, отбрасывая их в сторону. Проходя мимо вывороченного с корнем деревца, он шагнул вбок, освобождая место, и протянул Нин Гуйчжу руку.

— Идём.

Нин Гуйчжу поднял на него глаза и вложил ладонь в его руку. Он всего лишь хотел немного опереться, но Сюн Цзиньчжоу вдруг приложил силу, и Нин Гуйчжу словно невесомо перелетел на другую сторону. Он даже не успел понять, что произошло, как мужчина уже отпустил его руку и снова пошёл впереди, расчищая путь.

— ...

Пройдя через густые заросли, они вышли на относительно открытую поляну.

Точнее... стоит уточнить - на кладбище.

На могильных холмах густо рос папоротник: крепкие стебли тянулись вверх, кончики были чуть закручены, самое время для сбора.

Сюн Цзиньчжоу уже привёл его сюда и только потом, запоздало, спросил:

— Тебе не страшно?

— ...Если бы мне было страшно, не слишком ли поздно ты спрашиваешь? — отозвался Нин Гуйчжу.

На его замечание Сюн Цзиньчжоу неловко почесал нос. Увидев, что Нин Гуйчжу уже присел и начал срывать папоротник, он тоже наклонился и взялся за дело.

Пусть место было не слишком большим, но стоило им немного поработать, как принесённая бамбуковая корзина наполнилась доверху. Возвращаться сразу показалось невыгодно, и они рядом нашли несколько прочных стеблей травы, скрутили их и связали ещё две охапки папоротника, после чего только тогда отправились обратно с горы.

Вернувшись домой, они сложили папоротник на стол, выпили воды и снова поднялись в горы. Сходяв туда-обратно два раза, они полностью собрали папоротник с того кладбища. Нин Гуйчжу немного передохнул, глядя на стол, заваленный свежими побегами, и сказал:

— Давай сегодня займёмся этим. Я потом сплету ещё одну бамбуковую пуоло*.

— Хорошо.

(ПП: Традиционное изделие из бамбука, ивы или других гибких материалов, широко использовавшееся в китайском быту для хранения и переноски зерна, овощей, фруктов или мелких предметов. Характеризуется плоским дном и низкими бортами, часто круглой или овальной формы.)

Сюн Цзиньчжоу передал Нин Гуйчжу остывшую кипячёную воду.

Нин Гуйчжу сделал пару глотков, затем снова поднялся, порылся в бамбуковой корзине и достал те две бамбуковые пластины, которые нарезал утром.

— Я пойду выкопаю головки дикого лука. Ты пока здесь займись, ладно?

Сказав это, он ушёл, даже не обернувшись. Сюн Цзиньчжоу посмотрел на разложенный на столе папоротник, достал таз для мытья овощей, налил в него воды и замочил часть папоротника. Прежде чем присесть и заняться мытьём, он открыл калитку, выпуская двух собак побегать.

К этому времени было уже позднее утро, солнце припекало, и на коже ощущалось тепло. Нин Гуйчжу нашёл сделанную утром отметку, прикинул расстояние, воткнул бамбуковую пластину в землю и осторожно подкопал спрятавшиеся внизу луковицы дикого лука.

Изначально он собирался выкопать их по пути, возвращаясь после сбора диких трав, но оба раза руки у него были заняты под завязку. Запихивать всё силой он побоялся, можно было повредить луковицы, так что пришлось идти за ними отдельно.

Вернувшись домой с пригоршней выкопанных луковиц, Нин Гуйчжу положил их в тени на кухне, подтащил скамейку и сел рядом с Сюн Цзиньчжоу.

— Цзиньчжоу, ты сначала расколи бамбук. А потом сходи купи каменный жернов. Здесь я сам управлюсь.

Сюн Цзиньчжоу поднял голову, взглянул на небо, откликнулся и встал. Нин Гуйчжу занял его место. Разделив вчера срубленные бамбуковые стволы на четыре части, Сюн Цзиньчжоу зашёл в спальню, достал серебро, сказал Нин Гуйчжу пару слов и только после этого вышел из дома.

Даван и Эрцай заметили, как он ушёл, и побежали следом. Пробежав немного и поняв, что Сюн Цзиньчжоу уходит слишком далеко, они, виляя хвостами, поиграли снаружи и вернулись домой.

Нин Гуйчжу даже не заметил, как собаки выбегали и возвращались. Папоротник в тазу был уже почти вымыт. Подходящей тары под рукой не нашлось, и он просто принёс корзину, ещё

раз ополоснул чистые побеги и сложил их туда.

Пока что придётся занять корзину. Днём нужно обязательно успеть сплести пуоло, иначе вечером некуда будет складывать овощи.

С этой мыслью Нин Гуйчжу, домыв весь папоротник, поднялся и огляделся. Он взял обрубленные концы бамбука, прикинул их на глаз, затем топором заострил более толстые концы и, перевернув топор обухом, вбил их в землю. Вбив четыре бамбуковых кола, Нин Гуйчжу сделал на верхушках надрезы, вставил туда две широкие бамбуковые планки, которые ранее расколол Сюн Цзиньчжоу, - так получились простые сушильные жерди.

Он поднёс вымытый папоротник и аккуратно развесил длинные побеги на жердях, раскладывая их плотно и ровно. Две жерди вышли достаточно длинными, большая часть папоротника ушла на них. Оставшееся он разложил прямо на столе у колодца, предварительно тщательно вытерев его насухо.

Отдельную миску побегов Нин Гуйчжу отобрал и отнёс на кухню на вечер, пожарить.

Время уже подходило к полудню. Сюн Цзиньчжоу вышел из дома довольно рано, но до сих пор не возвращался. Нин Гуйчжу немного отдохнул, затем порубил оставшуюся днём дикую траву и покормил цыплят и утят, после чего вернулся к бамбуку во дворе.

Бамбуковые прутья и пластины он разложил по категориям. Прежде чем браться за пуоло, Нин Гуйчжу выбрал несколько более толстых прутьев и переплёл их крест-накрест, сделав решётку для пароварки. Срезав лишнее и аккуратно обработав края тонкими бамбуковыми полосками, он промыл решётку и поставил её сушиться на солнце.

Каменный жернов вещь тяжёлая. Неизвестно, арендовал ли Сюн Цзиньчжоу повозку. Поразмыслив, Нин Гуйчжу всё же зашёл на кухню, вскипятил воды, смешал разные виды грубой муки, залил их кипятком и слепил из теста заготовки в форме пампушек.

Как раз кстати оказался новый паровой поддон. Нин Гуйчжу вынес немного воды, тщательно обдал его кипятком со всех сторон и только после этого поставил на пару пампушки. Кипятка ещё оставалось достаточно, и он решил заодно опустить в него сделанный накануне поддон для стекания жира. Вчера пришлось пользоваться им впопыхах, тогда он лишь слегка промыл и подсушил его, а теперь, раз уж выдалась возможность, следовало как следует ошпарить.

Обработанный кипятком поддон он вынул и поставил рядом сушиться на солнце. Нин Гуйчжу широко потянулся, а когда опустил руки, случайно задел волосы. Почувствовав, что причёска растрепалась, он невольно вздохнул. Эти волосы - настоящая морока. Тряпичная лента никак не хотела слушаться, а ходить с распущенными волосами он не собирался. Тогда Нин Гуйчжу взял тесак и занялся бамбуковыми ветками. Вскоре у него в руках оказалась бамбуковая палочка подходящей длины и ровной толщины.

Он сел под навесом, распустил длинные волосы, тщательно расчесал их пальцами и, примерившись, заколол палочкой. Волосы легко уложились, правда сзади остался длинный «хвост», напоминавший конский. Потрогав этот хвост на затылке, Нин Гуйчжу запрокинул голову и немного подумал. Убедившись, опираясь на воспоминания прежнего хозяина тела, что в этом мире к причёскам женщин и геров не предъявляют строгих требований, он успокоился, слегка тряхнул хвостом, перенёс табурет во двор и принялся плести пуоло.

Плетение нужно было делать плотным, только тогда в нём можно сушить всё подряд. Но за плотность приходилось платить временем. Солнце уже перевалило с зенита и медленно клонилось к западу, когда послышался негромкий скрип катящихся колёс.

Нин Гуйчжу поднял голову и увидел Сюн Цзиньчжоу, ведущего ослика с повозкой. Заметив его взгляд, тот слегка улыбнулся, затем развернулся и снял с повозки каменный жернов.

— Я сначала отвезу и верну повозку, — сказал он.

— Хорошо, — откликнулся Нин Гуйчжу.

Он нашёл, чем прижать бамбуковую пластину, поднялся и подошёл к воротам двора, пробуя сдвинуть каменные жернова. Жернов был немаленький, не меньше сорока сантиметров в диаметре и довольно толстый. Нин Гуйчжу попытался поднять его, но понял, что держать неудобно, и, опасаясь по дороге уронить его себе на ногу, решил не рисковать: наклонившись, он просто покатил жернов вперёд.

Конструкция у каменного жернова была простой: два каменных круга - верхний и нижний, ось между ними и ручка для вращения. Для работы достаточно было поставить её на крепкий деревянный чурбак.

Нин Гуйчжу перекатил жернова к колодцу и оставил там, дожидаясь, когда Сюн Цзиньчжоу вернётся и соберёт их.

Вымыв руки от пыли, он зашёл на кухню, достал из котла уже готовые грубые пампушки, а горячую воду, в которой они варились, вычерпал и отставил в сторону. Когда котёл просох, он плеснул немного масла, чтобы «смазать» дно, высыпал заранее перебранный папоротник, обжарил его и, добавив немного мясного соуса, быстро перемешал и снял с огня.

Сюн Цзиньчжоу, вернувшись и уловив аромат, невольно смягчился в лице и с улыбкой вошёл на кухню:

— Что-то ты сегодня рано готовишь.

Нин Гуйчжу, не оборачиваясь, ответил:

— А ты разве не голоден?

Вчера за обедом Сюн Цзиньчжоу ел поспешно, видно, на службе он привык перехватывать что-нибудь между завтраком и ужином. Только вот чем именно, лепёшками или полноценной едой, сказать было трудно. Да и в доме сейчас о каких-то закусках мечтать не приходилось.

Сюн Цзиньчжоу неловко почесал нос:

— Немного есть.

Нин Гуйчжу разложил блюда и сказал:

— Поедим, а потом соберёшь жернова. Поставим под навесом перед дровяным сараем, так будет удобнее.

— Хорошо.

Грубые пампушки были целиком из смеси крупяной муки, без капли тонкого помола, поэтому есть их было суховато. Зато блюдо получилось удачным: мясной соус давал насыщенный аромат и нужную солёность, а папоротник приятно хрустел. Нин Гуйчжу медленно, тщательно пережёвывая, доел одну пампушку.

Наевшись, он отложил палочки, поднялся и налил себе чашку холодной воды, неторопливо выпив её. Завтрак был сытным, так что в обед вполне хватило бы одной-двух пампушек, чтобы утолить голод. Сюн Цзиньчжоу убрал недоеденные грубые пампушки и овощи в шкафчик, взял свою чашку, налил воды и осушил её одним глотком, после чего вынес палочки и тщательно их вымыл.

Нин Гуйчжу допил последний глоток, перевернул чашку вверх дном и поставил рядом с кувшином для воды, затем последовал за Сюн Цзиньчжоу из кухни.

Сюн Цзиньчжоу зашёл в сарай за деревянной колодой, а Нин Гуйчжу снова уселся на табурет во дворе и продолжил плести недоделанную корзину. Солнечный свет заливал двор. Две собаки, нагулявшись, одна за другой вернулись домой. Виляя хвостами, они перешагнули через бамбуковые полосы для плетения и, важно вышагивая, словно никого вокруг не существовало, подбежали к квадратной ямке возле кадки с водой. Опустив морды, они принялись лакать воду, в которой раньше мыли овощи.

Сюн Цзиньчжоу выбрал подходящую колоду и, заметив собак, пару секунд молча на них смотрел, после чего слегка пнул обеих.

— Ау-у-у! Гав-гав-гав!

Раздался тонкий, визгливый лай. Нин Гуйчжу обернулся и увидел, как обе собаки, сидя прямо в ямке, беспорядочно тявкают.

Сюн Цзиньчжоу только что поставил колоду на место. Заметив взгляд Нин Гуйчжу и мельком глянув на собак, он как ни в чём не бывало сказал:

— Эрцай не удержался и утянул Давана за собой.

Эрцай: «?..»

Гав-гав-гав! Ты что несёшь, гав-гав-гав!

Нин Гуйчжу не усомнился ни на миг и лишь заметил:

— Там грязновато, потом помою их.

— Ничего страшного, сполоснуть пару раз — и будет чисто, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

С этими словами он прижал обеих собак, одной рукой зачерпнул ведро воды из колодца и окатил их, промывая шерсть. Когда шерсть, вынужденно прилипшая к телу, наконец освободилась от его рук, упитанные щенки вырвались и принялись яростно отряхиваться. Брызги воды взлетали в воздух и под солнечными лучами сверкали, словно прозрачные кристаллы.

<http://bllate.org/book/14958/1339790>